

Он, положив голову на руку, смотрел на огни у подножия горы, но это не вызывало в нём никаких эмоций. Оглянувшись, он заметил, что Сун Цзиньчэнь уже стоял позади.

— Ты уже собрал вещи? — спросил Чу Юй.

Сун Цзиньчэнь наклонился, чтобы поцеловать его в щеку. Щетина слегка кололась, и, переходя от щеки к шее, он шепнул:

— Поехай со мной, будь рядом.

Чу Юй почувствовал лёгкое покалывание вдоль позвоночника, заставляющее его запрокинуть голову. Колени непроизвольно сжались, поднимая штаны и обнажая тонкие лодыжки.

— Я... мм... не поеду...

Пижама была грубо сорвана, и мужчина взобрался на кушетку, чтобы продолжить. Чу Юй слабо отталкивал голову, прижавшуюся к его груди, но губы лишь сильнее втягивали его кожу.

— Если я поеду... ах, мм... как это будет выглядеть...

— Как это будет выглядеть? — Мужчина схватил его за лодыжки, сняв штаны и нижнее бельё одним движением, свернул их и бросил на спинку стула.

Чу Юй не знал, как описать свои чувства, и лишь пробормотал:

— Это ведь день рождения твоей мамы. Не стоит огорчать старших.

— А ты откуда знаешь, что она огорчится? — возразил Сун Цзиньчэнь. — Не смейся, но моя мать — человек высокомерный. Ей никто не нравится, особенно я.

— Почему так? — Чу Юй не понимал.

— Объясню позже, — Сун Цзиньчэнь обнял его за талию, уткнувшись лицом в мягкий живот, словно в сливочный крем, и глубоко вдохнул. — Сейчас позволь мне насладиться моментом. Там уже не будет такой возможности.

— Я не соглашался!

Самолёт вышел на крейсерскую высоту, и Чу Юй, склонив голову, прислонился к плечу Суна.

— Устал?

Чу Юй покачал головой, с шумом причмокнув сухими губами. Вчера он поздно лёг, и сегодня

всё тело болело, особенно желудок. В зале ожидания он выпил полстакана молока, и на этом завтрак закончился.

Сун Цзиньчэнь убрал подлокотник и обнял его:

— Подойди ближе.

Чу Юй придвинулся, уткнувшись в его грудь, и посмотрел в окно.

— Как высоко, — тихо произнёс он. — Сколько лететь до Хаоаня?

— Два с половиной часа, — Сун Цзиньчэнь слегка покачал головой, играя губами с жёсткими волосами на макушке юноши. — Поспи, и мы прилетим.

Чу Юй поднял глаза:

— Я не могу уснуть.

Он выглядел жалко, и, словно осознавая свою слабость, вздохнул:

— Я так нервничаю.

— Мои родители — обычные люди, они тебя не съедят. Чего ты боишься?

— Перед вылетом я только сказал Сяо Хуаню, что еду с тобой. Когда вернусь, он устроит сцену.

— Хотя старший брат подобен отцу, твой брат слишком привязан к тебе.

Чу Юй вздохнул, как взрослый, и положил ноги на колени Суна:

— Что поделать, я же старший брат.

— Дети должны учиться, а не мешать братьям, — Сун Цзиньчэнь крепче обнял его за талию. — Брат уже взрослый, у него полно дел.

Чу Юй, почесываясь, как поросёнок, уткнулся в шею мужчины. Ведь никто не видел, и он мог позволить себе немного насладиться моментом.

Самолёт плавно пробивал облака, и Сун Цзиньчэнь, опустив глаза, улыбнулся.

Как только они приземлились, пошёл дождь. Чу Юй чувствовал себя разбитым, голова была тяжёлой, словно в стеклянном аквариуме.

Находясь в чужом городе, он не хотел привлекать к себе внимание, но его вид был настолько растерянным, что окружающие сразу заметили.

— Что случилось? Голова кружится? — Сун Цзиньчэнь застегнул молнию на его куртке. Хаоань был холоднее Хунши, здесь уже наступила осень, и за пределами аэропорта было прохладно.

Чу Юй покачал головой, но его движения были настолько тяжёлыми, что он едва не упал.

Сун Цзиньчэнь одной рукой подхватил его и, прикоснувшись ко лбу, понял, что у него температура.

— Почему ты не сказал, что тебе плохо?!

Но Чу Юй был настолько слаб, что не мог даже ответить.

Ему действительно нужно было заболеть. В первые два дня в Хунши он был спокоен, но Сун Цзиньчэнь иногда замечал, как он задумывался, его лицо выражало досаду, беспомощность и гнев, словно внутри него боролись множество противоречивых мыслей, ни одна из которых не могла победить, и в конце концов это полностью истощило его.

Неизвестно, была ли это болезнь или просто усталость от дороги, но температура у Чу Юя поднялась сильно. Он лишь смутно помнил, как они приехали в дом Суна, где всё было богато украшено, и родители Суна с изумлением смотрели на него, висящего на спине их сына, как коала.

— Это Чу Юй, — представил его Сун Цзиньчэнь.

Затем он упал на спину, и всё завертелось. Когда он очнулся, уже стемнело.

Чу Юй нащупал телефон на тумбочке, посмотрел на экран: восемь вечера. Куда делся Сун Цзиньчэнь? Он хотел найти его, но не решался выйти из спальни, боясь встретить кого-то, поэтому набрал номер.

Звонок раздался в ногах кровати. Сун Цзиньчэнь оставил телефон здесь.

На кухне стучал нож, нарезаая мясо. Чэнь Би сидела на диване, разговаривая с уже прибывшими сёстрами и невестками, и время от времени поднимала глаза, чтобы окинуть взглядом своих мужчин — мужа, который готовил «львиные головы», и сына, помогавшего ему.

Её взгляд привлёк внимание других женщин, и они тоже начали рассматривать её «творение».

Сын вырос в красивого и сильного мужчину, добившегося успеха. На юге он был известной

личностью, и десять лет назад выкупил старый дом в Шанхае, вернув утраченное достоинство ей и её предкам.

Она поставила фарфоровую чашку на стол, и муж, словно чуткий пёс, тут же подошёл, мягко спросив, не хочет ли она пить, не холодно ли ей или, может, она устала ждать.

Женщины смотрели с завистью, но теперь это была не только зависть к её красоте и стройности.

Сын взял нож, который отец поспешно оставил, и, переворачивая его в руках, поднял глаза, встретившись с её взглядом.

В сердце Чэнь Би возникло странное чувство, которое, если бы его нужно было описать, было бы похоже на испорченное стыдом вино, превратившееся в отвращение. Её жизнь была такой «идеальной», а он, этот мужчина, вышедший из её чрева, вернул ей славу, но также стал её пятном.

Она подняла глаза, но уголком зрения заметила нечто лишнее — мальчика, которого привёз её сын, стоящего на втором этаже, сгорбленного, с глазами, бесцеремонно осматривающими всё вокруг, словно грязные ручонки, разорвавшие дорогую атмосферу этого дома.

Чэнь Би слегка сморщила нос. Позже нужно будет попросить служанку тщательно протереть всё, к чему он прикасался, нет, продезинфицировать, вдруг он болен.

— Ой, а кто это наверху? — спросила невестка, не понимая — или делая вид, что не понимает, — и, дёрнув за рукав другую женщину, посмотрела на Чэнь Би и умолкла.

Эта сдержанность подтвердила статус чужака, и Чэнь Би, поняв это, разозлилась, отвернувшись, словно ничего не слыша и не видела.

Чу Юй искал Суна, спускаясь по лестнице. На полпути вниз лицо Суна появилось между перилами.

Все Сун, казалось, обладали собачьим слухом, особенно когда дело касалось их любимых.

Сун Цзиньчэнь сделал несколько шагов, обошёл лестницу и взял Чу Юя за руку, спустив его вниз. Пощупав его лоб и убедившись, что температура спала, он представил его женщинам в гостиной.

— Тётя, тётушка, это Чу Юй.

Чу Юй, слабо дыша, поздоровался:

— Здравствуйте, тётя, тётушка.

Женщины с натянутыми улыбками ответили:

— Здравствуйте, здравствуйте.

Сун Цзиньчэнь не дал Чу Юю много времени на светскую беседу, полюбив, увёл его из гостиной.

— А это чьи? — Тапочки были велики, ноги Чу Юя были слабыми, и он спотыкался.

<http://bllate.org/book/15448/1370481>